

Т. ШАНИН

Обычное право в крестьянском сообществе

Структура поведения людей в каждом обществе дуалистична. С одной стороны, они как граждане погружены в государственный мир - мир законов, а также в мир их бюрократического исполнения и т.д. С другой стороны, сама повседневная жизнь вносит свои мощные коррективы в законодательные инструкции и формы их бюрократического исполнения.

Речь идет не только об отдельных фактах корректировки законов практической жизнью, но и о структуре и системах, не определяемых государственностью. Примером здесь могут послужить системы неформальной экономики, получившие мощное развитие во многих странах и обществах. Разумеется, в каждой из стран и регионов уровень развития и важность "неформальных экономик" различен [Неформальные... 1999]. Есть достаточно веские основания для предположения, что неформальные отношения и шире - эксплоярные социальные структуры и есть то звено, которое объясняет живучесть социально-экономической ткани современной России крайних условиях кризиса, ее существенную стабильность и в высшей степени автономную природу (т.е. способность функционировать достаточно независимо от правительства).

Среди неформальных экономик встречаются и "теневые" экономические создания, и внетеневые экономические структуры, которые, подпадая под определение неформальных, не являются нелегальными, а также то, что в свое время Дж. Скотт назвал "моральной экономикой" [Scott, 1976]. К последним причисляются экономические отношения, не определяемые просто законами рынка, законами эквивалентного обмена. Экономическое действие в них с точки зрения причинности определяется иным, чем "чистый" рынок, пониманием того, что надо и чего не надо делать. Неэквивалентный обмен, действующий в большинстве семейств, - четкий пример "моральной экономики". Но она, конечно, распространяется не только на семейные отношения. Она шире в каждом обществе и часто забывается профессиональными экономистами, потому что плохо вписывается в модели академической экономики и в количественные расчеты. И все же в данном случае центральное место занимают именно семейные стратегии и социальные инструменты выживания тех, кто вовлечен в "неформальную" деятельность. Важна также степень, в которой экономическое действие "растворено" в *не только* экономических социальных структурах.

Важно, что семейные стратегии выживания находятся под сильным влиянием взаимосвязанных факторов масштаба, труда и риска. Во-первых, я имею в виду то, что можно назвать "человеческим масштабом" социальных взаимодействий, что социологи описывают как "первичные отношения", т.е. прямые взаимодействия лицом

Шанин Теодор - профессор Манчестерского университета (Великобритания), ректор Московской высшей школы социальных и экономических наук.

лицу между лично знакомыми акторами социальной сферы. В качестве основных прототипов обычно выступают деревня, небольшие поселки или близкое соседство - "сообщество", как его понимал Ф. Теннис, противопоставляя "обществу" [Tonnie, 1920]. Подобный масштаб оказывает сильное влияние на реальные формы человеческого взаимодействия, делая семейную динамику и социальные сети соседства, родства и друзей особенно важными и для экономически значимых действий. Реальные формы кооперации, кредита, использования труда, как правило, отличаются в таких контекстах от анонимного взаимодействия и операций большого масштаба. Небольшие экономические организации также предполагают ограниченность ресурсов и резервов.

Кроме того, семейный труд и самозанятость играют здесь особую роль. Семейного работника, например, нельзя "уволить", поэтому его труд должен восприниматься как данность. Он также обычно "не учитывается" при использовании его в семье, т.е. воспринимается как нечто само собой разумеющееся, а не оценивается в семейном бюджете согласно рыночной стоимости и, соответственно, считается чем-то бесплатным или недорогим. В результате экономические стратегии семейных хозяйств обычно отличаются от тех, которые строятся в рамках рыночных моделей. Нацеленность на выживание, а не на максимизацию прибыли или на максимальное использование имеющихся трудовых ресурсов более, чем на эффективность, трансформирует поведенческие стратегии.

Неформальная (эксплоярная) экономика - важный, но не единственный пример неслучайных (системных) структур человеческих отношений. Они внегосударственны и нейтральны в жизни обществ. "Неформальность" делает их историю менее заметной.

Россия с 1860-х по 1920-е годы драматически обнажила такие неформальные сферы отношений, экономических действий, а также реальное осознание их места большинством населения страны. Причиной этого стал, в частности, тот факт, что в процессе освобождения от крепостничества судебная власть в стране почти по всем существенно экономическим проблемам и части криминальных проблем перешла в руки волостных судов. А волостной суд должен был судить по местным обычаям, "по справедливости".

Это означало, что в России 1870-х годов и последующих лет 85% населения находилось не под государственным судом, не под имперским статутом, не под теми законами, которые принимались - царем ли, другими государственными структурами ли. - но под судами старейшин, избранных на местах и часто безграмотных или полуграмотных заседателей. Иногда в таком суде был только один грамотный человек - писарь. Здесь не судили в соответствии с принятыми государственными законодательными установлениями: там просто их не знали. В основу судебных решений ложилось понимание того, "что справедливо", т.е. каков местный обычай, - господствовало "обычное право".

С 1880-х годов начался процесс консолидации, или оценки, этой законодательной деятельности, основанной на "обычном праве". Дело в том, что к тому времени многие недовольные решениями волостных судов, стали подавать протесты на вынесенные приговоры в "вышестоящую инстанцию" - в особенности в Правительственный Сенат, т.е. к Верховному Суду России. И этот суд не знал, как разрешить возникшие коллизии. Действительно, профессиональные юристы, которые должны были руководствоваться действующим в стране законодательством, затруднялись оценить правомочность решений местных судов, принятых не в соответствии с существующим кодексом законов. Как определить, что есть местный обычай в территориально самой крупной стране в мире, в которой живет многомиллионное население, относящееся к тому же к разным этническим группам и придерживающееся разных обычаев. (Напомню, что в то время этнические русские составляли менее половины населения).

Чтобы справиться с этой задачей, судебные власти распорядились провести сбор информации о местных правовых обычаях. Молодые правовики были посланы в

русские села. Они должны были разобраться, что там понимается как "справедливость" и что является местным обычаем.

Первым общим результатом этого сбора информации была кодификация В. Мухина, которая вышла в 1888 году [Мухин, 1888]. Обобщенные им данные оказались необыкновенно интересными. Потрясающим для меня (и я думаю для тех, кто в первый раз столкнулся с этим уже в 1880-х годах) было то, что по всей огромной Российской империи прослеживалась удивительная схожесть решений, основанных на понимании того, что есть "справедливость". Крестьяне одинаково трактовали "справедливость" или "несправедливость" решения по тому или иному вопросу и во Владивостоке, и в Смоленске. А ведь здесь мы сталкиваемся не только с огромными географическими различиями, с расстояниями в тысячи километров. Нельзя забывать и об исторических особенностях развития каждой из областей. Скажем, в Смоленске присутствовало значительное влияние польского права ("Литовской Правды"), следов которого, естественно, не было во Владивостоке или других внутрисоветских областях. Но крестьянские заседатели и тут, и там приходили в важнейших вопросах к тем же фундаментальным решениям.

Эти решения получили официальное название "обычное право". То есть параллельно существовали государственное право и обычное право, суд по местным обычаям. Необыкновенным было то, что без диктата ясно определенных законодательных актов местные обычаи оказались во многом почти теми же по всей России. Причины такого единства, несомненно, связаны с социальными структурами русского крестьянства, с характером крестьянского двора, со спецификой села, с характером общины, с особенностями семейных отношений и т.д. Поэтому дальнейшее развитие темы хотелось бы предварить несколькими замечаниями об особенностях крестьянского быта. Они важны прежде всего для тех, кто не привычен к данной тематике, не всегда осознает, сколь недавно крестьянский быт и уклад жизни в России был уделом большинства населения (ведь и сегодня большинство россиян - это или крестьяне, или их дети и внуки). Многие сегодня забылось, однако с элементами той структуры потерянных миров и ныне люди часто открывают заново самих себя.

Для определения крестьянства как понятия я использую единство 4-х характеристик. Во-первых, это *крестьянский двор* как базовая экономическая единица, где едины семья, участок земли и труд на нем. Труд этот не всегда лишь сельскохозяйственный, а включает и то, что в России называлось "промыслами" (в других странах названия этому явлению могут быть разными, но важно то, что оно всегда существует). Крестьянское хозяйство обеспечивает потребительские нужды семьи и оплату ее обязательств. Оно не автаркично: крестьяне вовлечены в повседневный товарообмен и в рынок труда. Однако экономическая деятельность тесно переплетается с отношениями в семье. Семейное разделение труда и потребительские нужды семьи порождают специфическую стратегию выживания и использования ресурсов. Семейное хозяйство функционирует как основная единица крестьянской собственности, производства, потребления, биологического воспроизводства, самоопределения, престижа, социализации и благосостояния. В его рамках личность в решающей мере подчиняется семейно-ролевому поведению и патриархальной власти.

Во-вторых, важно выделить село как место проживания и как единицу перехода из поколения в поколение - социализации и определенной крестьянской культуры, которая включает, конечно, обычное право. Жизнь малой сельской общности, внутри которой удовлетворяются основные потребности крестьян и обеспечивается социальное воспроизводство, создает специфический контекст. Особенности существования, социальная структура и сознание в нем связаны и взаимозависимы. Культура крестьянства в плане социально обусловленных норм и знаний являет такие типичные тенденции, как преобладание традиционных и конформистских установок (т.е. оценка действия в категориях прошлого опыта и взглядов соседской группы), специфические нормы наследования собственности, нормы взаимопомощи и т.д. Крестьянская куль-

тура одновременно и отражает, и усиливает специфические стороны и жизненный опыт малой сельской общности, и прежде всего личностный характер отношений, сильный взаимный нормативный контроль и общую практику возникающих в схожих экологических и социальных условиях отношений к чужакам.

В-третьих, важной характеристикой крестьянства выступают особенности занятий - не то, что люди работают в сельском хозяйстве, потому что есть не-крестьяне, занятые сельскохозяйственным трудом (с одной стороны, капиталистические фермеры, а с другой - скажем, холопы, не имевшие прав на двор). Важнейшая особенность здесь - это менее узкое и формализованное определение профессиональных задач, низкий уровень специализации работников. Крестьянин не только работает на земле. Он владеет еще десятком других профессий, если здесь вообще применимо городское понимание слова "профессия". Этот низкий уровень специализации связывается с очень широким диапазоном действий, каждое из которых крайне необходимо, а нехватка знаний в любой из жизненно обусловленных сфер не дает возможности выполнить ту задачу, которую россияне называли "крестьянством" и чему обучались в семье. С этим связано неформальное профессиональное обучение крестьян в семье. Собственный труд и производство пропитания в условиях господства естественных производительных сил превращали крестьянское хозяйство в экологически обусловленную ячейку производства. Причем фактор природного воздействия здесь весьма важен. Он определяет ритм работ. Сезонная цикличность оказывает сильное влияние на жизнь семьи, семейные события отражаются на динамике хозяйства, а неурожай может привести к его исчезновению.

Наконец, в-четвертых, важной характеристикой является то, что крестьянство - нижний класс, класс, которым властвуют. Крестьян, как правило, держат на солидном расстоянии от социальных источников власти. Их политическая подчиненность переплетается с подчиненностью культурной, а также с экономической эксплуатацией через налоги, ренту, проценты и невыгодные для крестьян условия торговли. Подчинение сопровождается постоянными актами самозащиты крестьян путем широкого использования такого "оружия слабых", как экономический саботаж, уклонение от выполнения повинностей, бойкот административных инстанций и т.д., а в некоторых ситуациях - и восстание. В XX столетии крестьянские восстания превратились в крупную революционную силу, действенный фактор общественного развития.

Таким образом, с известным, разумеется, упрощением все эти четыре элемента, взятые вместе, дают нам классическое определение крестьянства. Если снять одну из названных характеристик, оставив три, - перед нами маргинальная группа крестьянства. Если снимаем две - выходим из сферы изучения крестьянства и попадаем в Другую сферу, связанную уже с иными понятиями и характеристиками.

И еще об одном важном для нас аспекте: крестьянская форма жизни и выживания связана с особой экономикой. Не буду углублять эту тему, так как А. Чаянов сказал здесь достаточно, и я могу отослать желающих к его фундаментальной работе по экономическим категориям [Чаянов, 1991; Tschaianoff, 1924]. Здесь же важно подчеркнуть то, что с особенностями крестьянского хозяйствования связаны особенности их социальных и иных предпочтений и поведения. В связи с этим оказывается, что логичное и правильное с точки зрения максимизации доходов или результатов Для не-крестьян не столь же логично и правильно для крестьян. Поэтому так часто эксперты, дававшие советы крестьянству "третьего мира", попадали впросак, а крестьяне оказывали жесткое сопротивление предлагаемым новациям. И почти всегда, когда начинали искать причину такого жесткого сопротивления и выяснять, что стоит за этим, оказывалось, что "глупые" крестьяне были куда умнее экспертов с точки зрения собственных интересов и долгосрочного экономического развития региона.

Теперь вернемся к тому, в чем были особенности обычного права в России. В-первых, здесь не было того понимания собственности, какое давал имперский закон. Не было индивидуальной эксклюзивности и абсолютной собственности личности, а вместо этого признавалось, что собственность семейна. Это значит, что человек, ко-

торый ведет хозяйство - "большак", - действует как руководитель семейной фирмы, а не как личностный хозяин того имущества, которым он распоряжается. Доказательство тому просто: "большака" можно снять с его "поста". То есть село может решить, что он плохо ведет семейное хозяйство. Если, скажем, на него жалуются сыновья и доказывают свою правоту обществу, его отстраняют и назначают другого, например старшего сына. Причина может быть, допустим, в том, что виновный глава хозяйства "пропивает имущество", а в принятой в данной схеме понятий обычного права он не имеет права на пропивание имущества, потому что это - не его имущество. Оно семейное.

Второй результат признания обычным правом семейной формы имущества - не действуют права наследования, зафиксированные в имперских законах. "Большаку" нельзя было написать завещание, согласно которому один из сыновей получает большую, а другой - меньшую часть наследуемого имущества. Ибо это не личное имущество "большака", оно - семейное и на его основе хозяйство ведется всей семьей и при разделе должно делиться на равные части между мужчинами. Правда, здесь возможны исключения.

Притязания на большую долю в наследовании имущества могут быть обоснованы значительным трудовым вкладом, внесенным в подлежащее разделу семейное имущество. И наоборот, отсутствие такого вклада становилось причиной отказа в выделении доли наследства. Это значит, что сын, ушедший из семьи, определяется как "отрезанный ломоть" и не имеет никакого права ни на семейную землю, ни на лошадей и т.д. А "влазень", т.е. человек, который женился на дочери и начал работать во дворе, имеет полные права сына. Решение вопроса зависит именно от труда, а не от наличия кровнородственных связей. Это коренным образом отличается от решения, которое предлагает имперский закон. Согласно последнему, если ты сын, то имеешь наследственные права, если же не сын, то не можешь претендовать на имущество, если завещатель не сделал особых оговорок.

В обычном праве женщины не имеют права наследовать землю и лошадей, но наследуют домашний скраб ("utensels") - все нужное для кухни, одежду и т.д. Здесь есть возможность для матери высказать свою волю, т.е. для неравного раздела. В остальном же женщины не наследуют. Наследуют только мужчины.

Надо сказать, что на рубеже XIX-XX веков предпринимались попытки по изменению сложившихся обычаев и регулированию жизни крестьян законодательными способами. Скажем, был принят закон, согласно которому те, кто выделил свое имущество из села, вышел из общины (это был период стольпинской реформы), не подлежал принципам обычного права и установившимся на селе правилам семейной собственности. То есть выделившиеся из общины крестьяне могли завещать землю по правилам, прописанным в имперском законодательстве. Этот закон был принят в январе 1910 года, но крестьяне просто проигнорировали его по всей России.

Государство также пыталось покончить с обычаем равного раздела семейного имущества между всеми мужчинами. Законодательство предполагало, что крестьянский двор, обладающий определенным количеством земли, не должен допускаться к разделу. И опять-таки эти законы крестьянство игнорировало.

Такая коррекция законов признанными реалиями крестьянской жизни и обычаем, конечно, не является особенностью только русского крестьянства. Например, по законам Пакистана (а там действуют законы шариата), когда умирает крестьянин, его землю должны делить между сыновьями по доле, а каждая дочь получает половину доли мужчины. Крестьянство Пакистана фанатично религиозно, но этот закон шариата полностью проигнорирован, так как подобное разделение земли усугубило бы дробление хозяйств и плохо сказалось на процессах сельского производства. Поэтому он и был оставлен без внимания "согласно обычаю".

Точно так же действовал обычай в условиях российского села. Когда законы били по обычному праву, ими пренебрегали и действовали в соответствии с обычаем, упрямо игнорируя все остальное. Вводимые "сверху" новации, и в частности стольпин-

ские реформы, по моему мнению, носили очень поверхностный характер. Доказательством тому служит та легкость, с которой в 1917-1919 годах все результаты этих реформ были сметены, без борьбы была воссоздана система общин.

Хотелось бы отметить и еще одно очень важное обстоятельство. Наиболее существенным результатом революции с точки зрения крестьян был Земельный кодекс 1922 года, который в основном повторил положения, закрепленные в обычном праве. Поэтому он был повсеместно принят и лег в основу тех отношений, которые стали называться "НЭПом"¹. Для сельских районов НЭП, его стабильность и эффективность с точки зрения быстроты экономического восстановления и развития оказались связаны не с чем-то, придуманным эсерами или В. Лениным, а с тем, что Земельный кодекс точно повторил и помог дальше укрепить и развить обычное право. Были введены и некоторые добавления. Важнейшим из них стало право женщин на долю в разделе имущества. Вокруг этого началась и к концу 1920-х годов нарастала судебная борьба. Трудно сказать, чем бы она закончилась, ибо с началом коллективизации просто отпала необходимость во многих положениях обычного права.

Однако в целом хотелось бы подчеркнуть, что даже в условиях коллективизации российское законодательство пребывало в положении, при котором часть законов на селе осталась верной принципам Земельного кодекса 1922 года и этим - законам обычного права. Скажем, уже в 1960-х годах, когда судья рассматривал вопросы раздела имущества, он должен был начать с определения, является это ли оно "сельским имуществом". И если оно оказывалось таковым, решать дело надо было по Закону 1922 года [Лисковец, 1963]. А это означает фактически, что действовало обычное право, которое как таковое, конечно, к тому времени уже забывали или предпочитали замалчивать.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Лисковец Б.* Разделы и выделы в колхозном дворе. М., 1963.
Мухин В. Обычный порядок наследования у крестьян. СПб., 1888.
Неформальные экономики: Россия и мир. М, 1999.
Чаянов А.В. К вопросу о теории некапиталистических экономических систем // Чаянов и Восток. М., 1991.
Scott J.C. Moral Economy of the Peasant. London, 1976.
Tonnies F. Gemeinschaft und Gesellschaft. Berlin, 1920.
Tschaijanoff A. Zur Frage einer Theorie der nichtkapitalistischen Wirtschaftssysteme // Archiv für Sociologiewissenschaft. Tübingen, 1924.

© Т. Шанин, 2003

¹ Говоря о сельских переделах и использовании обычного права, я хочу отметить важность и революционность изменений периода Гражданской войны. Но они были в основном на уровне села, а не уровне семейного права. В этой области, а также на уровне межсемейных отношений, изменения времен революции были куда глубже, чем на уровне семейного права, хотя общие принципы обычного права в большей мере соблюдались.